

Ленин Владимир Ильич

**Две речи на 1-м
Всероссийском съезде по
внешкольному образованию
6-19 мая 1919 года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Ильич Л.**
Две речи на 1-м Всероссийском съезде по внешкольному образованию 6-19 мая
1919 года / Ленин Владимир Ильич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-93046-8

ISBN 978-5-519-93046-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Приветственная речь тов. В. И. Ленина на I-м Всероссийском Съезде по внешкольному образованию.

Товарищи, я очень рад приветствовать Съезд по внешкольному образованию. Конечно, вы не ждете от меня речи, которая бы могла входить в существо дела, как это делал осведомленный и специально занимающийся вопросом предыдущий оратор, тов. Луначарский. Мне позвольте ограничиться только несколькими словами приветствия и небольшими наблюдениями и размышлениями, которые мне приходилось делать, когда в Совете Народных Комиссаров доводилось соприкасаться сколько нибудь близко с непосредственной вашей работой. Я уверен, что едва ли найдется такая область советской деятельности, как внешкольное образование и просвещение, где бы за полтора года были достигнуты столь громадные успехи. Несомненно, что в этой области работать нам и вам было легче, чем в других областях. Здесь нам приходилось отбросить старые рогатки и старые препятствия. Здесь было легче пойти навстречу той громадной потребности в знании, в свободном образовании, в свободном развитии, которая больше всего сказалась для рабочих и крестьянских масс, ибо если нам легко было, благодаря могучему напору масс, скинуть те внешние препятствия, которые стояли на их пути, сломить исторические буржуазные учреждения, которые привязывали нас к империалистической войне и осуждали Россию на самые большие тяготы, следующие из этой войны, если нам легко было сломить внешние препятствия, то зато нам пришлось с тем большей остротой чувствовать всю тяжесть работы в деле перевоспитания масс, в деле организации и обучения, в деле распространения знаний, в деле борьбы с тем наследием темноты и некультурности, дикости и одичалости, которая нам досталась. Здесь борьбу приходилось вести совсем иными методами. Здесь приходилось рассчитывать только на длительный успех и упорное систематическое воздействие передовых слоев населения, на воздействие, которое встречает со стороны масс самый радужный прием и мы часто оказываемся виноватыми в том, что даем меньше, чем могли бы дать. Мне сдается, что в этих первых шагах, в деле распространения внешкольного образования, свободного, не связанного старыми рамками и условиями образования, которому идет навстречу взрослое население, что в этой области первое время больше всего бороться нам приходилось с двоякого рода препятствиями. Оба препятствия мы унаследовали от старого, капиталистического общества, которое до сих пор держит нас, тянет нас и низу тысячами и миллионами нитей. канатов и цепей.

Первый недостаток—это обилие выходящих из буржуазной интеллигенции, которая сплошь и рядом образовательные учреждения крестьян и рабочих, создаваемые по новому, рассматривала как самое удобное поприще для их личных выдумок в области философии или области культуры, когда сплошь и рядом самое новейшее кривляние выдавалось за не то и все и под видом чисто пролетарского искусства и пролетарской культуры преподносилось нечто свержестественное и несуразное (аппелисменты). Но в первое время это было естественно и может быть простиительно и не может быть поставлено в вину широкому движению, и я надеюсь, что мы все-таки в конце концов из этого вылезем и вылезем. Второй недостаток—это тоже последние капитализма. Широкие массы мелкобуржуазных трудящихся, стремясь к знанию, лаская старое, ничего организуя, ничего организованного внести не могли. Мне приходилось наблюдать, когда в Совете Народных Комиссаров ставился вопрос о мобилизации грамотных и об отделе библиотечном, и из этих небольших наблюдений я делал свои выводы относительно того, как плохо обстоит дело по этой части. Конечно, в приветственных речах не очень принято говорить о том, что бывает плохого. Я надеюсь, что вы в этих условиях будете свободны и не посетуете на меня, если я своими несколько печальными наблюдениями поделюсь с вами. Когда мы ставили вопрос о мобилизации грамотных, то больше всего бросалось в глаза то, что у нас революция одержала блестящий успех, не выходя сразу из рамок буржуазной революции. Она давала свободу развития личным силам и эти личные силы—мелкобуржуазные, с тем же лозунгом—«каждый за себя, а Бог за всех», с тем же самым капиталистическим проклятым лозунгом, который никогда ни к чему другому, как и Колчаку и к старой буржуазной реставрации не ведет. Когда посмотришь что делается у нас в области обучения неграмотных, то в этом отношении, я думаю, что сделано очень мало и наша общая задача здесь—понять, что необходима организованность пролетарских элементов. Дело не в смешных фразах, которые остаются на бумаге, а в тех насущных мерах, которые необходимо народу сейчас дать, которые всякого грамотного человека заставили бы смотреть, как на свою обязанность, на необходимость обучения нескольких неграмотных. Это у нас в декрете провозглашено. В этой области сделано почти ничего не сделано. Когда я соприкасался в Совете Народных Комиссаров с другим вопросом, с вопросом библиотечным,—я говорил: те жалобы, которые постоянно слышались—виновата наша производственная отсталость, у нас мало книг и мы не можем произвести их в достаточном количестве,—я говорю себе—это правда. Конечно, у нас топлива нет, фабрики стоят, бумаги мало и книг получить не можем. Это все правильно, но кроме того правильно то, что мы не можем взять книжки, которая у нас есть. Мы продолжаем страдать в этом отношении от муниципальной наивности и муниципальной беспомощности. Когда мужик, ограбивший барскую библиотеку, бежал к себе и боялся, как-бы кто-нибудь у него не отнял, ибо мысль о том, что может быть правильное распределение, что казна не есть нечто ненавистное, что казна—это есть общее достояние рабочих и трудящихся, этого сознания у него быть еще не могло. Неразвитая крестьянская масса в этом не виновата, и с точки зрения развития революции это совершенно закономерно,—это неизбежная стадия, и когда крестьянин брал к себе библиотеку и держал у себя тайно от других, он не мог поступать иначе, ибо он не понимал, что можно соединить библиотеки России воедино, что книг будет достаточно, чтобы грамотного напоить и без-

грамотного научить. Сейчас необходимо бороться с остатками дезорганизации, с хаосами, со смешными ведомственными спорами. Это должно составить нашу главную задачу. Мы должны взяться за простое, насущное дело мобилизации грамотных и борьбы с неграмотностью. Мы должны использовать те книги, которые у нас есть, и приняться за создание организованной сети библиотек, которые помогли бы наряду использовать каждую имеющуюся у нас книжку, не создавать параллельных организаций, а создать единую планомерную организацию. В этом малом деле отражается основная задача нашей революции. Если она этой задачи не решит, если она не выйдет на дорогу создания действительно планомерной единой организации, вместо Российского бестолкового хаоса и нелепости, — тогда эта революция останется революцией буржуазной, ибо основная особенность пролетарской революции, идущей к коммунизму, в том и состоит, что буржуазии было достаточно сломать старое и предоставить свободу крестьянскому хозяйству, которое восрождало тот же капитализм, как и во всех революциях прежнего времени.

Если мы называемся партией коммунистов, мы должны понять, что только теперь, когда мы покончили со внешними препятствиями, сломали старые учреждения, пред нами впервые настоящим образом и во весь рост встала первая задача настоящей пролетарской революции, — организация десятков и сотен миллионов людей. После полуторагодичного опыта в этой области, который мы все проделали, мы должны, наконец, встать на правильный путь, который бы победил ту некультурность и ту темноту и дикость, от которой нам приходилось все время страдать.

Предисловие.

Вопрос, который я разбираю в своей речи 19-го мая, на съезде по внешкольному образованию, именно вопрос о равенстве вообще и о равенстве рабочего и крестьянина в особенности, есть, несомненно, один из самых острых и «больных» вопросов современности, затрагивающий наиболее закоренелые предрассудки мелкого буржуа, мелкого хозяйчика, мелкого товаровладельца, всякого обывателя и девяти десятых интеллигенции (в том числе меньшевистской и эсеровской интеллигенции).

Отрицание равенства рабочего с крестьянином! Подумать только какая чудовищная вещь! Конечно, за нее постараются ухватиться все друзья капиталистов, все прихвостни их, а меньшевики и эсеры в первую голову, чтобы «поддразнить» крестьянина, «разжечь» его, натравить на рабочих, на коммунистов. Такие попытки неизбежны, но так как они основаны на лжи, то позорный провал их обеспечен.

Крестьяне — трезвые деловые люди, люди практической жизни. Им надо разъяснять дело практически, на простых, житейских примерах. Справедливо-ли, чтобы крестьянин, имеющий излишек хлеба, прятал этот излишек, дожидаясь повышения цены до спекулятивной, бешеной высоты и не считаясь с голодными рабочими? Или справедливо, что государственная власть, которую держат в руках рабочие, брала все излишки хлеба не по спекулятивной, не по торгашеской, не по грабительской цене, а по твердой цене, установленной государством?

Вопрос стоит именно так. В этом вся суть. От этой сути дела хотя бы «отболтаться» всякими фразами о «равенстве» и о «единстве трудовых демократий» всякие обманщики, работающие, подобно меньшевикам и эсерам, на пользу капиталистов, на пользу возвращения всевластия капиталистов.

Крестьянин должен выбирать:

за свободную торговлю хлебом, — это значит за спекуляцию хлебом, это значит за свободу наживаться богатым, за свободу разоряться и голодать бедным, это значит, за возвращение всевластия помещиков и капиталистов, за разрыв союза крестьян с рабочими;

или за сдачу излишков хлеба по твердой цене государству, т. е. объединенной рабочей власти, это значит за союз крестьян с рабочими для полного уничтожения буржуазии, для устранения всякой возможности восстановления ее власти.

Так стоит выбор.

Богатенькие крестьяне, кулаки, выберут первое, захотят по-пробовать счастья в союзе с капиталистами и помещиками, против рабочих, против бедноты, но таких крестьян в России будет меньшинство. А большинство крестьян пойдет за союз с рабочими против восстановления власти капиталистов, против «свободы наживаться богачу», против «свободы голодать бедняку», против того, чтобы обманно прикрывать эту проклятую капиталистическую «свободу» (свободу голодной смерти) пышными словами о «равенстве» (о равенстве сытого, имеющего излишки хлеба, с голодным).

Наша задача—бороться с хитрым капиталистическим обманом, который проводят меньшевики и эсеры посредством звонких и пышных словечек о «свободе» и «равенстве».

Крестьяне! срывайте личину с тех волков в овечьей шкуре, которые поют сладенькие песни о «свободе», «равенстве», о «единстве трудовой демократии», а на деле защищают этим «свободу» помещика угнетать крестьян, «равенство» богача капиталиста с рабочим или с полуугодным крестьянином, «равенство» сытого человека, прячущего излишек хлеба, с рабочим, которого мучит голод и безработица из-за разорения страны войной. Такие волки в овечьей шкуре—худшие враги трупящихся, они на деле, хотя бы и звались меньшевиками, эсерами или беспартийными, друзья капиталистов.

«Рабочий и крестьянин равны как труженики, но сытый спекулирует хлебом не равен голодному труженику». «Мы боремся только отстаивая интересы труда, беря хлеб у спекулянта, а не у труженика». Мы идем на соглашение с середняком крестьянином, с крестьянином—тружеником—вот что я заявил в своей речи, вот в чём *суть* дела, вот какова настоящая правда, запутываемая звонкими фразами о «равенстве». И громадное большинство крестьян знает, что это правда, что *рабочее государство* борется с спекулянтами и с богачами, вслестически помогая трупящимся и бедным,—тогда как и *помещичье государство* (при царе) и *капиталистическое государство* (при самой свободной и демократической республике) всегда и везде, во всех странах, *помогают богачам грабить тружеников, помогают спекулянтам и богачам наживаться на счет разоряющихся бедняков.*

Эту правду знает всякий крестьянин. И поэтому большинство крестьян, чем они будут сознательнее, тем скорее и тверже сделают свой выбор: за союз с рабочими, за соглашение с рабочим правительством, против государства помещичьего или капиталистического; за советскую власть против «учредительного собрания» или «демократической республики»; за соглашение с большевиками коммунистами, против поддержки капиталистов, меньшевиков и эсеров!

* * *

А господам «образованным», демократам, социалистам, социал-демократам, социалистам-революционерам и т. п., мы скажем: на

зловах вы все признаете «классовую борьбу», на деле вы забываете о ней как раз тогда, когда она особенно обостряется. Забывать же о ней значит переходить на сторону капитала, на сторону буржуазии, против трудящихся.

Кто признает классовую борьбу, тот должен признать, что в буржуазной республике, хотя бы самой свободной и самой демократической, «свобода» и «равенство» не могли быть и никогда не были ничем иным как выражением равенства и свободы *товаровладельцев*, равенства и свободы *капитала*. Маркс тысячи раз, во всех своих произведениях и особенно в своем «Капитале» (который вы все на словах признаете) разъяснял это, издевался над абстрактным пониманием «свободы и равенства», над пошляками Бентамами, не видящими этого, вскрывал материальные корни этих абстракций.

«Свобода и равенство» в буржуазном строе (т. е. пока держится частная собственность на землю и на средства производства) и в буржуазной демократии остаются только формальными, означая на деле *наемное рабство* рабочих (формально свободных, формально равноправных) и *всевластие капитала*, гнет капитала над трудом. Это—азбука социализма, господа «образованные», и вы эту азбуку забыли.

Из этой азбуки следует, что во время пролетарской революции, когда классовая борьба обострилась до гражданской войны, только дурачки и предатели могут отделяться фразами о «свободе», «равенстве», «единстве трудовой демократии». На деле все решает исход борьбы пролетариата с буржуазией, а промежуточные, средние классы (в том числе вся мелкая буржуазия, а значит и все «крестьянство») неизбежно колеблются между тем и другим лагерем.

Речь идет о присоединении этих промежуточных слоев к одной из главных сил, к пролетариату или к буржуазии. Ничего иного быть не может: кто не понял этого, читая «Капитал» Маркса, тот ничего не понял у Маркса, ничего не понял в социализме, тот на деле филистер и мещанин, слепо плетущийся за буржуазией. А кто понял это, тот не даст себя обмануть фразами о «свободе» и «равенстве», тот будет думать и говорить о деле, то есть о конкретных условиях *сближения* крестьян с рабочими, *союза* их против капиталистов, *соглашения* их против эксплуататоров, богачей и спекулянтов.

Диктатура пролетариата не есть окончание классовой борьбы, а есть продолжение ее в новых формах. Диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии. Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся и многочисленными не пролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.) или большинством их, союза против капитала,

союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это—особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно, классами. Отделяться от изучения конкретных форм, условий, задач этого союза посредством общих фраз о «свободе», «равенстве», «единстве трудовой демократии», т. е. посредством срывков из идейного багажа эпохи товарного хозяйства, могут только гнилые герои гнилого «бернского» или желтого Интернационала, вроде Каутского, Мартова и К-о.

Н. Ленин.

23 июня 1919 года.

Об обмане народа лозунгами свободы и равенства.

(Речь на съезде по внешкольному образованию).

Товарищи, позвольте мне вместо оценки текущего момента, которой, кажется, некоторые из вас на сегодня ожидали, дать ответ на наиболее существенные политические вопросы, конечно, не только теоретические, но и практические, которые сейчас перед нами становятся, которые характеризуют весь этап советской революции и которые вызывают больше всего споров, больше всего нападков со стороны людей, считающих себя социалистами, больше всего недоумения со стороны людей, которые считают себя демократами и особенно охотно и особенно широко распространяют обвинения против нас за нарушение нами демократизма. Мне кажется, что эти общие политические вопросы слишком часто, даже постоянно встречаются во всей теперешней пропаганде, агитации, во всей литературе, враждебной большевизму, — если, конечно, эта литература хоть чуточку поднимается над уровнем простой лжи, клеветы и брани, какой характер носит она во всех органах буржуазии. Если мы возьмем литературу, хоть чуточку поднимающуюся над этим, то, я думаю, что основные вопросы об отношении демократии к диктатуре, о задачах революционного класса в революционный период, о задачах перехода к социализму вообще, об отношениях рабочего класса и крестьянства, мне думается, что эти вопросы составляют самую существенную основу всех современных политических дебатов и выяснение их, хотя может быть иногда и покажется вам несколько отходящим от непосредственной злобы дня, — выяснение их, я думаю, тем не менее должно составлять нашу общую главную задачу. Конечно, в коротком реферате я не могу никоим образом претендовать на то, чтобы охватить все эти вопросы. Я выбрал некоторые из них и о некоторых из этих вопросов и хотел бы побеседовать.

I.

Первый из намеченных мною вопросов это — вопрос о трудностях всякой революции, всякого перехода к новому строю. Если вы присмотритесь к тем нападкам, которые сыплются на большевиков со стороны людей, считающих себя социалистами и демократами, — как образец этих людей я могу взять литературные группы «Всегда Вперед» и «Дело Народа», — газеты, закрытые, по моему, по всей справедливости и в интересах революции, газеты, представители которых

чаще всего в своих нападках, носящих слишком естественный характер, со стороны органов, которые наша власть признает контр-революционными, чаще всего прибегают к теоретической критике,—если вы присмотритесь к тем нападкам, которые несутся на большевизм из этого лагеря, то вы увидите, что в числе обвинений сплошь и рядом фигурирует такое: «большевики вам, трудящиеся, обещали хлеб, мир и свободу; они не дали ни хлеба, ни мира, ни свободы, они вас обманули и обманули тем, что отступили от демократии». Насчет отступления от демократии будет речь особо. Я сейчас возьму другую сторону в этом обвинении: большевики обещали хлеб, мир и свободу, большевики дали на самом деле продолжение войны, дали особенно жестокую и особенно упорную борьбу, войну всех империалистов, капиталистов всех стран согласия, всех, значит, наиболее цивилизованных и передовых стран против измученной, истерзанной, отсталой, усталой России. Эти обвинения, повторяю, вы видите в каждой из названных газет, в каждом разговоре буржуазного интеллигента, который, конечно, мнит себя не буржуазным,—вы это услышите постоянно в каждой обывательской речи. Вот я приглашаю вас подумать над подобного рода обвинениями.

Да, большевики шли на революцию против буржуазии, на насильственное низвержение буржуазного правительства, на разрыв со всеми традиционными привычками, обещаниями, заветами буржуазной демократии, на самую отчаянную, насильственную борьбу и войну ради подавления угнетенных классов,—шли из за того, чтобы вырвать Россию, а затем и все человечество, из империалистической бойни и чтобы положить конец всем войнам. Да, большевики шли на революцию за это и, конечно, никогда от этой основной, главной своей задачи они не думали отклоняться. И так же несомненно, что попытки выйти из этой империалистической бойни, сломить господство буржуазии, что эти попытки навлекли на Россию поход всех цивилизованных государств. Ибо такова политическая программа Франции, Англии и Америки, как бы они ни уверяли, что они отказываются от интервенции. Как бы ни уверяли в этом Ллойд-Джорджи, Вильсоны и Клемансо, как бы они ни уверяли, что отказываются от интервенции, но мы все знаем, что это ложь. Мы знаем, что ушедшие и вынужденные уйти из Одессы и Севастополя военные суда союзников блокируют побережье Черного моря и даже обстреливают окрестности Керчи ту часть Крымского полуострова, где засели добровольцы. Они говорят: «этого мы вам отдать не можем. Если с вами добровольцы не сладят, мы все же отдать этой части Крымского полуострова не можем, потому что вы будете господами над Азовским морем, отрежете нам путь к Деникину, не дадите возможности снабжать наших друзей» Или развертывается наступление на Петроград: вчера был бой нашего миноносца с четырьмя миноносцами противника. Разве не ясно, что это интервенция, разве не английский флот участвует здесь? Разве не то же самое происходит в Архангельске, в Сибири? Факт таков: весь цивилизованный мир идет сейчас против России.

Спрашивается, впади-ли мы в противоречие с собой, когда звали трудящихся на революцию, обещав им мир, а привели к походу всего цивилизованного мира против слабой, усталой, отсталой, разбитой России, или впади в противоречие с элементарными понятиями демократии и социализма те, кто имеет наглость бросать нам подобный упрек? Вот вопрос. Чтобы вам поставить этот вопрос в теоретической, общей, форме, я приведу сравнение. Мы говорим о революционном

классе, о революционной политике народа, я предлагаю вам взять отдельного революционера. Взяем хотя бы Чернышевского, оценим его деятельность. Как ее может оценить человек, совершенно невежественный и темный? Он вероятно скажет: «ну что же, разбил человек себе жизнь, попал в Сибирь, ничего не добился». Вот вам образец. Если мы подобный отзыв услышим неизвестно от кого, то мы скажем: «в лучшем случае он исходит от человека безнадежно темного, невинного может быть в том, что он так забит, что не может понять значения деятельности отдельного революционера в связи с общей цепью революционных событий, либо этот отзыв исходит от мерзавца, сторонника реакции, который сознательно хочет отпугнуть трудящихся от революции». Я взял пример Чернышевского, потому что к какому бы направлению ни принадлежали люди, называющие себя социалистами, здесь в оценке этого индивидуального революционера расхождения по существу быть не может. Все согласится, что если оценивать отдельного революционера с точки зрения тех жертв, внешне бесполезных, часто бесплодных, которые он принес, оставляя в стороне содержание его деятельности и связь его деятельности с предыдущими и последующими революционерами, если оценивать так значение его деятельности, — это либо темнота или невежество безсудных, либо эгоистичная, лицемерная защита интересов реакции угнетения, эксплуатации и классового гнета. На этот счет разногласий быть не может.

Я вас приглашаю теперь перейти от отдельного революционера к революции целого народа, целой страны. А разве кто либо когда либо из большевиков отрицал, что революция может в окончательной форме победить лишь тогда, когда она схватит все или, по крайней мере, некоторые из наиболее существенных передовых стран? Это мы говорили всегда. Разве мы утверждали, что выход из империалистской войны возможен простым вытканьем штыков в землю? Я нарочито беру именно то выражение, которое мы в эпоху Керенского и я лично и все наши товарищи употребляли постоянно в революциях, в речах, и в газетах. Мы говорили: войну нельзя копчить вытканьем штыков в землю; если есть толпы, которые так думают, надо поназвать о людях свихнувшихся, — что же, с них ничего не возьмешь.

Мы говорили, что выход из этой войны может означать революционную войну. Это мы говорили с 1915 года и потом в эпоху Керенского. И, конечно, революционная война это — тоже война, такая же тяжелая, кровавая и мучительная вещь. А когда она становится революцией в мировом масштабе, она неизбежно вызывает отпор в таком же мировом масштабе. И поэтому, когда мы теперь стоим в положении что на Россию идут в поход все цивилизованные страны мира, мы можем не удивляться, если нам за это бросают обвинение в нарушении наших обещаний совсем темные мужички: мы скажем, — с них ничего взять. Полная темнота, крайнее невежество их не позволяет обвинять их. Где же, в самом деле, от темного совершенно крестьянина требовать понимания того, что есть война и война, что бывает войны справедливые и несправедливые, прогрессивные и реакционные, войны передовых классов и войны отсталых классов, войны, служащие закреплению классового гнета, и войны, служащие его свержению? Для этого надо быть знакомым с классовой борьбой, с основами социализма, чуточку хотя бы с историей революции. Мы от темного крестьянина этого требовать не можем.

Но если человек, который называет себя демократом, социалистом, который идет на трибуну выступать публично, независимо от